

Лорд Робертсон

НАТО и Россия
Построение безопасности в неопределенном мире
Речь Генерального секретаря НАТО в Варшаве
14 февраля 2002 г.

Фото Эвы Мазяж

Мне очень приятно быть здесь, в Варшаве, в этом прекрасном дворце, тщательно отстроенном, что, как мне мимоходом сказали, очень характерно для поляков. Меня снова поразили необычайные перемены переходного периода, осуществленные вашей страной за последнее десятилетие.

В течение всей своей истории Польша неоднократно оказывалась в гуще противоречий между Востоком и Западом. И в результате этого чаще всего страдал польский народ.

Однако Польша сегодня – это уже не ничейная полоса стратегического значения. В НАТО Польша обрела безопасность и свободу, которых она так долго искала и за которые так долго боролась. Это прежде всего победа польского народа. Однако это – победа и всей Европы. Ведь Польша теперь вносит свой вклад в обеспечение нашей коллективной безопасности в качестве активного и уверенного в своих силах члена Атлантического союза.

Как заявил президент Квасьневски на Вашингтонской встрече НАТО на высшем уровне: «...наша главная сила в наших ценностях: свободе, демократии, соблюдении прав человека и верховенстве закона. Польша не отступит в защите этих ценностей».

И она не отступила – несмотря на то, что ей пришлось неоднократно пройти сквозь испытания, причем тяжелые испытания. За последние три года НАТО сталкивалась с жесточайшими, невероятно трудными вызовами в области безопасности. Вызовами, с которыми не смогла бы справиться ни одна международная организация. И девятнадцать союзников по НАТО сообща приняли все эти вызовы.

Возьмем пример Косово. Операция НАТО там была по любым меркам выдающимся успехом. Мы победили за семьдесят восемь дней при минимальных потерях, причем у союзников их не было вовсе, без наследия, вызывающего чувство горечи, и достигли при этом всех своих целей. Каждый раз, когда я приезжаю в Косово, я встречаюсь с людьми, которые говорят мне, что, если бы не НАТО, их сегодня не было бы в живых. Особенно не слышно, чтобы кто-нибудь в Косово жаловался на совершенные военные преступления.

Нет сомнений в том, что сейчас, в 2002 г., просто отсутствует альтернатива авторитетному форуму, где координируются действия по обеспечению трансатлантической безопасности, каким является НАТО. Нет альтернативы и надежному обеспечению политической и военной оперативной совместимости, от которой зависит проведение всех коалиционных операций.

Естественно, события 11 сентября изменили весь мир. Некоторые критики говорят теперь, что НАТО – да и Европе – отводится второстепенная роль.

Эти критики ошибаются. НАТО и ее европейские члены не только участвуют в кампании против терроризма – они являются ее важнейшими участниками.

Применив ст. 5 Вашингтонского договора, государства-члены НАТО продемонстрировали, что наша солидарность – это не пустой лозунг. Она реальна. Североатлантический союз оказал прямую военную поддержку возглавляемым США операциям, в том числе посредством патрулирования американского воздушного пространства, что произошло впервые в его истории. НАТО активно включилась в политическую деятельность, помогая созданию международной коалиции, в которую входят страны-участницы НАТО и двадцать семь партнеров НАТО. Кроме того, приемы и способы действий, отработанные за десятилетия сотрудничества, имеют важнейшее значение для возглавляемых европейскими государствами миротворческих сил, находящихся сейчас в Афганистане.

Ни одна организация не смогла бы обеспечить такую практическую поддержку, так же как и ни одна организация не смогла бы помочь в создании такой коалиции. НАТО вне всякого сомнения является наиболее эффективной военной организацией в мире. Она не будет стоять во главе борьбы при всех кризисах. Однако ей предстоит сыграть важную роль – важнейшую с моей точки зрения – в предотвращении международных кризисов и их урегулировании.

Но для выполнения этой роли нам необходима адаптация. Меняется характер безопасности, и НАТО должна меняться вместе с ним. Наши критики, видимо, не замечают, что этот процесс преобразований уже начался.

Мы проводим адаптацию НАТО и наших вооруженных сил с целью более эффективной борьбы с терроризмом и противодействия нарастающей угрозе со стороны оружия массового поражения. Мы представим многие из аспектов улучшения нашей деятельности во время саммита в Праге в конце этого года. На этой встрече мы также продвинем вперед процесс расширения НАТО, так как наш опыт, накопленный после Вашингтонской встречи на высшем уровне, несомненно доказывает, что процесс расширения идет и на благо НАТО, и на благо евроатлантической безопасности.

Параллельно с этим мы ведем напряженную работу по совершенствованию вооруженных сил европейских стран и Канады, чтобы они могли взять на свои плечи больше нагрузки, которую сейчас несут США. Мы также приближаемся к завершению создания новых отношений между НАТО и ЕС в области обеспечения безопасности, с тем, чтобы Европа могла выполнять соответствующую ей роль на более равной и

сбалансированной основе. Ведь если мы хотим добиться того, чтобы США не склонялись к односторонним действиям или изоляционизму, всем европейским странам необходимо проявить усиленное стремление к развитию потенциала эффективного урегулирования кризисов.

Однако противодействие современным и будущим угрозам также потребует беспрецедентного уровня сотрудничества с партнерами за пределами Североатлантического союза. Это включает и сотрудничество между НАТО и Россией, о чем я хочу сказать несколько слов.

Для союзников по НАТО террористические атаки на США явились не только тревожным сигналом. Они со всей жесткостью показали то, что многие из нас знали уже несколько лет, – современные вызовы в области безопасности объединяют союзников по НАТО с Россией в большей степени, чем нас разъединяет наследие прошлого. Нам это напоминает о том, что мы не можем больше позволить себе омрачать работу структур сотрудничества между НАТО и Россией культурой взаимного страха и подозрительности. Ведь без тесного сотрудничества между НАТО и Россией мы не сможем дать всесторонний ответ на современные угрозы.

11 сентября стало катализатором. Когда в декабре прошлого года министры иностранных дел стран НАТО и России собрались на своем заседании в Брюсселе, они «осудили терроризм во всех его проявлениях» и договорились «не жалеть усилий для того, чтобы привлечь к ответственности исполнителей, организаторов и спонсоров таких действий и победить зло терроризма».

Громкие слова этого заявления Совместного постоянного совета Россия-НАТО, уверяю вас, не были просто политической риторикой на злобу дня. Чуть больше недели назад мы совместно с Министром обороны Российской Федерации Ивановым проводили конференцию НАТО-Россия по теме роли военных в борьбе с терроризмом, на которой были рассмотрены пути возможного более тесного сотрудничества между нами.

Мы уже осуществляем всеобъемлющую программу сотрудничества с Россией в этой области, где главное внимание уделяется тем направлениям деятельности, по которым мы можем совместно дополнить усилия, предпринимаемые в других международных структурах. Например, мы начали регулярные и откровенные обмены мнениями по всему кругу

вопросов террористической угрозы, в том числе рисков, связанных с распространением ядерного, биологического и химического оружия.

Мы рассматриваем вопросы углубления сотрудничества по вопросам гражданского чрезвычайного планирования, таким как проведение совместных учений для отработки задач ликвидации последствий для гражданского населения крупномасштабных террористических атак. Мы также рассматриваем пути усиления практического сотрудничества между НАТО и Россией по научно-техническим вопросам, таким как дальнейшее расширение наших возможностей в области обнаружения применения ОМП и защиты от него. У России имеются большие знания и опыт в этой области, которыми она готова делиться с нами. Однако общность наших с Россией взглядов, уверяю вас, далеко не ограничивается вопросами терроризма.

Наше новое сотрудничество в борьбе с терроризмом дополняют весьма интенсивные консультации и сотрудничество с Россией по широкому кругу вопросов, таких как нераспространение оружия массового поражения, противоракетная оборона театра военных действий, гражданское чрезвычайное планирование и других в рамках Совместного постоянного совета, очень конструктивное практическое сотрудничество между миротворцами НАТО и России в зоне действий СФОР и СДК, а также по вопросам поиска и спасания на море после трагедии «Курска». Этот опыт уже показал, что НАТО и Россия могут действительно вести сотрудничество в интересах евроатлантической безопасности и стабильности.

Хотя наши интересы не всегда совпадают, мы решили вывести отношения между НАТО и Россией на качественно новый уровень, так как теперь мы сообщаем противостоящим большому и постоянно увеличивающемуся числу вызовов в области безопасности. И несмотря на наши существенные расхождения сейчас и в прошлом, мы не можем позволить прошлому разрушать наше будущее. Мы не можем ждать еще одной трагедии, такой как 11 сентября, для сплочения наших рядов в борьбе с распространением ОМП или другими современными угрозами. Проще говоря, углубление доверительных отношений сотрудничества между НАТО и Россией имеет важнейшее значение для мира и безопасности в евроатлантическом регионе.

Для достижения этого НАТО и Россия договорились предпринимать усилия для создания нового совета с целью определения и реализации возможностей для совместных действий в формате «20».

Подробности того, как это будет функционировать, еще предстоит определить, так что я не говорю вам о них не потому, что хочу их скрыть. Однако принципы ясны. Когда я встречался в ноябре прошлого года в Москве с президентом Путиным, он предложил начать углубление партнерства на основе «логики общих интересов». Именно этим путем мы и идем.

Разрабатываемый новый механизм позволит НАТО и России действовать в формате «20» в таких областях, как борьба с терроризмом, где мы знаем, что есть общая «логика общих интересов». Однако, разумеется, мы будем сохранять способность Североатлантического союза предпринимать действия по вопросам НАТО в формате «19», таким как ответственность за коллективную оборону, или же когда у нас могут быть расхождения интересов с Россией, например, по таким вопросам, как будущий прием в члены НАТО.

Как показывает почти пятилетний опыт работы Совместного постоянного совета, структуры сами по себе не могут быть основой подлинного партнерства. Вместе с тем, недопустимо, чтобы структуры препятствовали появлению перспектив совместных действий там, где у обеих сторон имеется политическая воля к сотрудничеству. Эта новая модель облегчит сотрудничество с Россией при разработке и осуществлении совместных действий в тех областях, где наши интересы совпадают. В любом случае это – достойная цель.

Я понимаю, что многие люди испытывают нервозность, как только мы начинаем говорить о более тесном сотрудничестве с Россией. Многие в России испытывают такие же чувства в связи с усилением сотрудничества с НАТО. Поверьте мне, я лучше других в НАТО знаю, что между НАТО и Россией иногда бывают расхождения во взглядах.

Однако необходимо признать, что даже когда у нас были расхождения по конкретным направлениям политики, наши стратегические цели часто совпадали. Мы расходились во мнениях по вопросу военных действий в Косово, но соглашались, что демократическая реформа и соблюдение прав человека в Югославии будут способствовать упрочению долговременной региональной стабильности. Мы расходились во взглядах, да и теперь сильно расходимся, по вопросу

средств, применяемых российскими военными в Чечне, но мы согласны, что у России имеется право защищать свою территориальную целостность и своих граждан от терроризма.

Мы разошлись во мнениях по вопросу расширения НАТО. Однако мы согласны с тем, что демократизация и экономическое процветание в Центральной и Восточной Европе – тенденции, содействию и упрочению которых способствует расширение НАТО, – соответствуют долгосрочным интересам и России, и Запада. Все указывает на то, что по этому вопросу нам удастся добиться взаимопонимания с Россией. В ходе своего последнего визита в Варшаву президент Путин ясно отметил это, когда говорил о том, насколько улучшились отношения между двумя вашими странами. Не случайно, что это улучшение наступило после того, как Польша прочно и уверенно заняла свое место в Североатлантическом союзе. Все большее число россиян отмечают этот весьма положительный пример.

Я реально смотрю на отношения НАТО с Россией. Мы не можем ожидать, да и не ожидаем, что сразу, как по волшебству, возникнет новое партнерство. России еще предстоит пройти большой путь, предначертанный ей президентом Путиным, – путь экономических, политических и социальных реформ, а также усиления интеграции с западным сообществом государств.

Часть российского политического аппарата, занимающегося вопросами внешней политики и обороны, еще не полностью освободилась от установок и подозрительности прошлого. Как заявил сам президент Путин на встрече защитников гражданского общества в Кремле, состоявшейся несколько месяцев назад, российские демократические традиции еще только формируются.

Однако нам в НАТО предстоит сделать важнейший выбор. Поможем ли мы направить Россию и сто пятьдесят миллионов ее граждан к большей степени интеграции в евроатлантические структуры или построим новые стены, чтобы не допустить их к себе? Будем ли мы стремиться к поиску совместных подходов к глобальным и региональным угрозам безопасности или будем продолжать идти своим путем, а Россия своим?

Мы знаем ответ. Привлечение России на свою сторону – это единственный выбор, который защитит наши собственные долговременные интересы. Сегодня у нас имеется историчес-

кая возможность содействовать интеграции России в западные институты и системы ценностей. Мы не позволим ускользнуть этой возможности.

Реальные угрозы нашей безопасности – в круг которых входят региональная нестабильность, распространение технологии баллистических ракет и ядерные, биологические, химические средства поражения, терроризм, кибернетические средства ведения боевых действий и организованная преступность – не признают государственных границ, с ними в равной мере сталкиваются и союзники по НАТО, и Россия. Изоляция или игнорирование России будет только мешать нашему противодействию этим угрозам. Если мы сможем разработать общие подходы к этим проблемам, если нам удастся реализовать видение совместных действий против этих угроз, заложенное в основополагающем акте, в выигрыше окажутся все. Тесное практическое сотрудничество между НАТО и Россией, основанное на прагматизме, может явиться таким же важным средством преобразования стратегической обстановки во имя добра, как и события 11 сентября, преобразовавшие ее во имя зла.

Дамы и господа!

11 сентября было днем огромной трагедии. Задачей всего международного сообщества стало добиться превращения этой трагедии в благоприятную возможность. Идти в лобовую атаку на терроризм. Выстраивать лучшие отношения между странами, у которых имеются причины для сотрудничества. Строить безопасность по-новому – так, чтобы можно было принимать реальные вызовы, с которыми мы сталкиваемся в мире после «холодной войны», и побеждать.

НАТО играет важнейшую роль в этой кампании – посредством поддержки США в борьбе против исполнителей атак, совершенных 11 сентября, путем своей адаптации для противостояния угрозам сегодняшнего дня и будущего, а также выстраивая лучшие и более глубокие отношения с Россией – страной, будущее которой имеет важнейшее значение для Европы и которая может внести неоценимый вклад в упрочение безопасности Европы.

Сотрудничество НАТО-Россия становится одним из наиболее крупных шансов XXI века. Это может стать одним из переломных моментов эпохи после окончания холодной войны. Когда я выходил со встречи с президентом Путиным в Кремле в ноябре, он сказал мне по-английски: «Господин

Генеральный секретарь, если это получится, мы можем изменить мир». Это цель и видение, которые я разделяю. Стоит попробовать, стоит над этим работать. Это будет нелегко. Думаю все же, что награда за это для обществ Польши, государств Центральной Европы и всего евроатлантического пространства будет соразмерна и достойна достижения.

Большое спасибо за внимание.

Фото Дороты Долэнговской

Вопросы и ответы

Кишиштоф Мрозевич, еженедельник «Политика»: Если исходить из того, что Россия принадлежит к числу азиатских государств, считаете ли Вы возможным создание в азиатско-тихоокеанском регионе некой структуры, параллельной АРЕС (Организация экономического сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе), по аналогии с отношениями НАТО – Европейский союз на Западе.

Благодарю за вопрос. Учет этого нового аспекта представляется мне крайне важным. В прошлом году я посетил бывшие советские республики в Средней Азии, которые сегодня включились в программу «Партнерство ради мира». Находясь в Бишкеке (Кыргызстан), недалеко от Тибета, западнее Индии, осознаешь, что определение «евро-атлан-

тический регион» здесь вряд ли применимо. Но именно в этом регионе действует наша программа партнерства. Должен признать, что визиты в Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан (за прошедшее с того момента время я посетил также Туркменистан), убедили меня в необходимости обратить внимание столиц государств-членов НАТО на обстановку в этих странах. Оговорюсь, это было год назад — почти столетие назад в категориях стратегического мышления. Во время визита мне то и дело приходилось слышать: «ещё больший Афганистан». Поверх границ Афганистана опасное влияние талибов распространялось на весь регион. Почти не оставалось сомнений в том, что эта нестабильность в определенный момент выплеснется и на Запад. Следует отметить, что эта информация была встречена довольно прохладно. Республики Средней Азии находятся слишком далеко от Брюсселя, Вашингтона, Лондона или Парижа. И несмотря на то, что некоторые политики были серьезно озабочены такой ситуацией, в тот момент более насущными казались другие проблемы. Совсем недавно, разговаривая с заместителем главы моего тогдашнего кабинета, на его вопрос: «Господин генеральный секретарь, удалось ли Вам вернуться в Среднюю Азию?», — я ответил: «Нет, но заметьте, Средняя Азия вернулась ко мне». Именно это и произошло. Совершенно неожиданно те, кто еще недавно ничего не слышал о Кыргызстане, Таджикистане или Узбекистане, начали интересоваться ими и теперь разбираются в их топографии и географии, знакомы с их проблемами и трудностями, оценивают их стратегическое значение в антитеррористической кампании. Факты свидетельствуют о том, что талибы предоставляли убежище и оказывали поддержку Аль-Каиде и Усаме бен Ладену, а его щупальца простирались из той части света, которую большинство не в состоянии даже обозначить на карте, до самого сердца Нью-Йорка и до Пентагона в Вашингтоне. Именно поэтому надо столь бдительно следить за ситуацией в тех регионах, которые завтра могут превратиться в очаг напряженности, прежде чем они станут реальной сегодняшней угрозой. Сейчас в нашем распоряжении в этой части мира появился плацдарм, предоставленный нам добровольно, который не является обузой, но имеет огромное значение здесь и сейчас, — плацдарм, где пересекаются наши общие с Россией стратегические интересы.

Вопрос, сможет ли программа «Партнерство ради мира» быть использована в качестве модели для развития сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе, относится скорее к сфере гипотез. Я не намерен в ходе встречи на высшем уровне НАТО в Праге выступать с предложением взять на себя ответственность за ситуацию в этой части мира. Наш мир в настоящий момент и так достаточно велик. Однако не исключаю возможности выдвижения новых инициатив в рамках Средиземноморского диалога НАТО с государствами Средиземноморья, с которыми уже налажено сотрудничество и которые способны реально влиять на систему безопасности в Европе. Наши интересы в сфере безопасности, равно как и представления о том, откуда могут исходить угрозы, сегодня уже не ограничиваются рамками евро-атлантического региона.

Эдита Посель-Ченцик, PISM: Каковы шансы на создание трансатлантического рынка вооружений, в который бы в будущем, возможно, вошла также Россия?

Мне представляется, что Европа и Канада должны играть в этой сфере более существенную роль. В течение последних нескольких недель я неоднократно выступал с подобными призывами, уделяя этой проблеме много внимания. Хотелось бы остановиться на еще одном аспекте этой проблемы, касающемся Соединенных Штатов, который не получил достаточного освещения в европейской прессе. США также должны сделать шаг навстречу и продемонстрировать свою готовность усилить оборонный потенциал Европы. В первую очередь, необходим более активный обмен технологиями, поскольку если Америка и в дальнейшем будет оставаться технологическим островом, замкнутым на самом себе и тех современных технологиях, которые США могут закупить, то рано или поздно они окажутся в ситуации, когда исчезнет сама возможность сотрудничества с союзниками. Но дело в том, что даже супердержавам необходимы союзники. Даже самая мощная супердержава, способная расходовать на оборону ежедневно миллиард долларов, по-прежнему нуждается в союзниках, которые оказывали бы ей политическую помощь и поддержку, выражали бы солидарность, или, например, предоставляли свое воздушное пространство для будущих военных кампаний. Во-вторых, им следует подумать о либерализации рынков и позволить европейским оборонным

предприятиям более активно внедряться в них. Существует определенное давление с американской стороны в сфере торговли военной техникой в Европе, в результате европейцы, разумеется, делают крупные закупки американского вооружения, но аналогичных возможностей для продажи европейского вооружения на американском рынке не существует — он слишком хорошо охраняется. В этой сфере еще есть над чем поработать. В-третьих, трансатлантическое сотрудничество в области промышленности должно стать принципом, а не исключением. Следует создавать больше стимулов для более рационального международного распределения труда в оборонной промышленности, так чтобы оно распространялось и через Атлантический океан, вместо того чтобы возводить крепость Европа, противостоящую крепости Соединенные Штаты Америки. Мне кажется, это та сфера, где, с одной стороны, Европа и Канада должны вносить более существенный вклад в НАТО, но в то же время Америке, если она стремится к равновесию в рамках Североатлантического альянса, следует признать, что они имеют на это право.

Гжегож Костицеба-Зорбас, ПАН: Мой вопрос касается крупного европейского государства, расположенного недалеко от Брюсселя, и совсем рядом с Польшей, — это Украина. В недалеком прошлом, в 90-е гг., Североатлантический альянс параллельно развивал механизмы сотрудничества с Россией и Украиной. Знаменует ли новый этап отношений НАТО-Россия начало нового этапа также в отношении с Украиной?

Надеюсь, именно так и будут развиваться события, поскольку мне не кажется, что мы можем строить отношения с Россией в ущерб нашим контактам с Украиной. Более того, мне не кажется, что между ними должна существовать какая-то связь. Думаю, мы должны и в дальнейшем оказывать поддержку политическим реформам на Украине, признавая важность сохранения ее независимости и суверенности. По моему мнению, мы сможем убедиться в том, что она способна играть ту роль, на которую заслуживает благодаря своему географическому положению. С любой точки зрения, это стратегически важное положение. Даже не будучи Генеральным секретарем НАТО, я осознавал эту роль Украины. Мне довелось побывать там с кратким визитом незадолго до того, как Украина стала независимым государством. Я был в числе тех министров стран-членов НАТО, которые посетили

Украину во время косовского конфликта, — тогда, в тех условиях поддержка Украины граничила с героизмом. Мне казалось очень важным поехать туда и выразить солидарность с той позицией, которую заняло правительство, а также разъяснить украинскому обществу, почему это было так важно. Так я оказался лично вовлеченным в дела Украины, и мне кажется, что, развивая отношения с Россией, следует также развивать то, что мы называем «особым партнерством» с Украиной. Надеюсь, что именно этим мы займемся в ближайшие месяцы. В частности, по моей инициативе в Aspen Institute в Берлине пройдет масштабная конференция с участием НАТО и Украины на тему трансформаций в сфере обороны. По моей инициативе, но, разумеется, не директиве, шесть или семь министров обороны государств-членов НАТО примут участие в семинарах, проводимых на довольно высоком уровне. Это станет серьезным знаком, который продемонстрирует, насколько важной является эта проблема и для НАТО, и для Украины. Уверен, что в течение этого года появятся и другие новые инициативы.

Иоланта Ковальска, „Newsweek“, Польша: Какой вам видится роль НАТО в предполагаемой атаке США на Ирак?

Мне ничего не известно о предполагаемой американской атаке на Ирак. И мне не кажется, что информация о подготовке такой атаки распространяется из каких бы то ни было источников. Если это связано с 11 сентября, а Америка или какая-либо другая страна располагает доказательствами причастности режима Саддама Хусейна к событиям 11 сентября, то союзников следовало бы ознакомить с ними, чтобы они могли рассмотреть возможные последствия такого шага. До сих пор Соединенные Штаты не предоставили нам подобной информации. Напротив, публично было заявлено, что в настоящий момент не обнаружено никакой связи между иракским режимом и Аль-Каидой и Усамой бен Ладеном. У меня, как у частного лица, а не Генерального секретаря НАТО, есть веские основания оставаться в оппозиции к иракскому режиму. Присутствующий здесь посол Великобритании Пакенхем знает о моем личном опыте, связанном с этим режимом. Он относится к тому времени, когда я в 1998 г. принимал беженцев из курдского города Халабаджа в турецких «лагерях безопасности» после того, как Саддам Хусейн применил биологическое оружие против собственного

народа. Я испытываю не симпатии, а отвращение к тому, что творит этот диктатор в своей собственной стране и в соседних государствах. Но дело в том, что в настоящий момент в непосредственной связи с атаками 11 сентября был приведен в действие механизм, предусмотренный Статьей 5 Североатлантического (Вашингтонского) договора. Соединенные Штаты осуществляют военную операцию на основании резолюции конгресса, принятой в ответ на атаки 11 сентября, и, разумеется, если бы такие доказательства были предоставлены, дело могло бы принять серьезный оборот.

Януш Онышкевич: Постоянный совет НАТО-Россия является весьма важным органом, в работе которого может участвовать практически любая страна. Практически любая – за исключением Украины. Параллельно проводятся встречи НАТО-Украина, на которых, вероятнее всего, обсуждается близкий круг проблем. Не кажется ли Вам, что имело бы смысл время от времени устраивать совместные встречи для обсуждения наиболее общих вопросов, например, таких, как нераспространение оружия?

Вопрос прозвучал из уст бывшего члена Совместного постоянного совета Россия-НАТО и Комиссии НАТО-Украина. Может, следовало бы поднять этот вопрос в ходе одной из этих встреч, когда Вы, господин Онышкевич, были министром обороны? Впрочем, сейчас этот вопрос приобрел большую актуальность. Я пока не знаю, как будет развиваться это сотрудничество. Эта идея родилась в результате установления в последнее время совершенно исключительных отношений между Россией и Западом, каковых не наблюдалось в последние 60 лет. В свое время это решило исход II мировой войны. Представляется несколько преувеличенным утверждение, что сегодняшняя ситуация также способна все изменить, но как знать.

Тем не менее добиться сегодняшних результатов было непросто. Только после атак 11 сентября, спустя довольно продолжительное время, стало возможным возрождение взаимного интереса перед лицом общих угроз. Думаю, сейчас нам следует присмотреться друг к другу и не предпринимать слишком поспешных шагов: прежде чем начать бегать, нужно научиться ходить. Принимая во внимание, что решающая встреча должна состояться в Рейкьявике, лучше было бы сказать, что нам следует сначала научиться плавать, прежде чем стремиться к олимпийским нормативам. Но так или иначе

процесс ломки стереотипов идет. Само по себе согласие России занять место за столом переговоров между Португалией и Испанией в совете, которым руководит Генеральный секретарь НАТО, — уже огромный прогресс по сравнению с 1997 г., когда президент Б. Ельцин возражал против того, чтобы председателем был представитель НАТО. Предполагалось создать довольно неудобную «тройку», которая управляла бы деятельностью Совместного постоянного совета, даже речи не шло о разделении роли председателя между Россией и НАТО. Так что это уже знак серьезных перемен. Если мы сегодня в состоянии определить круг проблем для совместного обсуждения, то это уже прогресс. Но давайте сначала освоим эту высоту и затем, прежде чем перейти к более радикальным шагам, определим, как далеко мы можем продвинуться в этом направлении. Мы должны пойти навстречу России, поскольку она в значительной мере определяет картину стратегической стабильности и является ее особой частью. В то же время мы никоим образом не можем пренебрегать нашими интересами в отношениях с Украиной и другими участниками программы «Партнерство ради мира», включая страны, которые в настоящий момент не хотят вступать в НАТО. В качестве примера могу привести нейтральные государства, военнослужащие которых входят в состав военного контингента по поддержанию мира в Боснии и Косове; они не собираются становиться членами или кандидатами в члены НАТО, но стремятся к практическим контактам, основанным на взаимодействии. К встрече на высшем уровне, которая пройдет в этом году в Праге, должны быть подготовлены предложения по развитию подобных отношений, поскольку это единственный способ обеспечения реального прогресса в сфере стратегической стабильности в глобальном масштабе, а не только отдельных ее фрагментов.

Катажина Жукровска, SGH (Szkoła Główna Handlowa — Высшая школа торговли): Хотелось бы услышать, каким Вам видится будущее НАТО в контексте политической интеграции в рамках ЕС. Это, по всей вероятности, приведет к серьезным изменениям в тех государствах, которые в настоящий момент являются только членами НАТО. Огромная просьба осветить эту проблему, поскольку этот этап скоро будет уже позади. Какой будет роль России в новой ситуации?

Интеграция государств в рамках Европейского союза происходит во многом параллельно с расширением НАТО. Эти процессы не совпадают, но ни один из них не должен восприниматься как проходящий за счет другого, как своего рода компенсация с одной или с другой стороны. У нас разные роли и перед нами стоят разные задачи. НАТО сотрудничает с Европейским союзом в ходе разработки концепции Общей европейской политики в области безопасности и обороны, чтобы тем самым помочь ЕС создать дополнительный элемент системы безопасности. Это позволит объединить физические возможности и планы НАТО с потенциалом государств, которые не являются членами Европейского союза. Мы не скрываем, что эти две структуры не идентичны, поскольку их функции различаются. НАТО — это прежде всего оборонный союз, обеспечивающий безопасность, политическая роль которого постоянно возрастает, так что постепенно он приобретает способность дополнять другие международные организации. Роль эта возрастает естественным путем. Пока еще не разработан механизм взаимодействия НАТО и Европейского союза, не урегулированы проблемы с несколькими — одним или двумя — членами НАТО и Европейского союза, но взаимодействие между мной, верховным представителем ЕС по вопросам внешней политики и безопасности Хавьером Соланой и председателем ОБСЕ в бывшей югославской республике Македонии позволило создать базовую модель операции по реагированию в кризисных ситуациях. Мы не стали ждать разработки схемы такого взаимодействия, прежде чем предпринять конкретные шаги и воспользоваться дипломатическими и экономическими возможностями Европейского союза, военным потенциалом НАТО и организационными возможностями ОБСЕ, чтобы предотвратить очередную гражданскую войну на Балканах. Налицо появление новых организационных форм сотрудничества международных организаций, и мне не кажется, что их следует оценивать как действия, осуществляемые за счет друг друга, или как проявление конкуренции на международной арене. По мере укрепления и расширения Европейского союза и НАТО, Россия, разумеется, будет стремиться к развитию отношений с обеими организациями. Президент Путин в ходе нашей встречи в Брюсселе в октябре прошлого года заявил, что Россия не намерена ждать своей очереди на членство в НАТО на общих основаниях наравне с другими государствами, которые

принимают такие условия. Я ответил, что не существует другого механизма вступления в НАТО. Мы не продаем и не раздаем приглашений. Нужно подать заявку и соответствовать всем стандартам. Россия же на данном этапе не стремится к членству в НАТО, но хочет поддерживать особые ассоциированные отношения с НАТО. Разумеется, в тот же день я сообщил об этом представителям Европейского союза, который также заинтересован в развитии взаимных контактов. Окажись я в этом зале 12-13 лет назад, вряд ли кто-либо осмелился предположить, что в 2002 г. Польша станет полноправным членом Североатлантического альянса, ведь в то время она входила в Варшавский договор. Мог ли кто-нибудь предположить, что президент России согласится заседать в совместном совете с Генеральным секретарем НАТО, где тот является председателем? В этой связи было бы неразумно предугадывать, что случится в перспективе более отдаленной, чем ближайшая неделя. Посмотрим, как будет развиваться ситуация, пока все идет хорошо.

Магдалена Вашарикова, Посол Словакии: За последние несколько месяцев мне довелось участвовать в целом ряде конференций, на которых приглашенные гости говорили о естественной границе в Европе – той границе, которая определяет сферу влияния отдельных стран в Европе. Мой вопрос звучит следующим образом: не считаете ли Вы, что произошедшие в последнее время изменения, новая роль России и новые контакты НАТО-Россия могут повлиять на число кандидатов в члены НАТО, которые будут приглашены на саммит в Праге, и какую роль Вы отводите России в ходе этой встречи?

Вопрос прозвучал из уст Посла Словакии, а не словацкого журналиста, который преследует меня на всех проводимых пресс-конференциях в самых разных странах. Поразительно, но вопрос сформулирован почти идентично. Прямой ответ на него звучит: это не будет иметь никакого влияния. Россия не может повлиять на решения, которые будут приниматься в Праге. Как мне кажется, Россия относится к этому с пониманием. НАТО является независимой организацией, и она намерена, опираясь на собственные критерии, осуществлять собственный выбор среди стран, которые стремятся к членству в нем и которые имеют право, признанное Россией, на основе Заключительного коммюнике Вашингтонской встречи на высшем уровне НАТО в апреле 1999 г., принимать такие

решения, которые они сочтут необходимыми для обеспечения собственной безопасности. Россия негативно относится к расширению НАТО, и, как я уже говорил, президент Путин не верит в то, что это позволит укрепить безопасность кого бы то ни было, однако он признает наше право на собственный выбор, и мы будем продолжать двигаться в этом направлении независимо от влияния третьих стран или организаций. Со многих точек зрения это была хорошая новость, но, как я сказал после этой встречи главам государств «Вильнюсской десятки» и президенту Польши, есть и плохая новость: вы можете рассчитывать только на собственные силы. Россия не может повлиять на решение НАТО, но вы должны всего добиваться самостоятельно. Нужно будет пройти квалификацию, принять все условия, осуществить необходимые приготовления. Нужно быть готовым к вступлению в НАТО и играть активную роль в создании единой системы безопасности, а не только пользоваться ее плодами. Это стало для стран-кандидатов определенным испытанием. В настоящий момент решение относительно числа первоочередных кандидатов на вступление в НАТО и дат их приема еще не принято, мы еще даже не приступили к началу обсуждения. Представляется, что это решение будет принято непосредственно перед встречей на высшем уровне в Праге. Если бы это произошло раньше, то существенно облегчило бы мне жизнь как Генеральному секретарю НАТО, но не думаю, что это возможно. Происходит смена правительств, проводятся выборы, и главы государств и правительств должны будут ясно представлять себе ситуацию во всех странах-кандидатах, прежде чем примут необратимое решение, поскольку механизма исключения государств из НАТО не существует. Все решения принимаются на основе консенсуса, но никто не согласится пойти на шаг, который противоречит его интересам. Раз исключение нового члена будет невозможным, решение, принятое в Праге, будет столь же необратимым, как и решение, принятое в Мадриде. Поэтому девятнадцать президентов и премьер-министров примут соответствующее решение, оценивая перспективу. Это будет важное и ответственное решение. И оно будет разумным, сделанным на основании информации, собранной усилиями Североатлантического альянса, но Вам, госпожа Посол, и всем гражданам Словакии придется подождать окончания этой процедуры.

Возможно, после выборов в Вашей стране, решение станет известно.

Анджей Бырт, МИД: Известно, что технологическая пропасть между Соединенными Штатами и их европейскими союзниками постоянно углубляется. Это происходит, в частности, также в связи с ростом расходов на вооружение, вызванным событиями 11 сентября. Вы многократно подчеркивали, что нам следовало бы сократить этот разрыв. Но с учетом того, что она будет существовать еще в течение многих лет, как бы Вы сформулировали те десять или, скажем, пять заповедей, для европейских государств и новых членов НАТО, чтобы они смогли стать солидными партнерами заокеанского союзника и оказаться способными вместе с Соединенными Штатами и в дальнейшем играть существенную роль в поддержании стабильности и демократии?

Первая заповедь могла бы звучать так: использовать имеющиеся оборонные ресурсы, которые связаны с будущим, а не с прошлым. Это чрезвычайно важно. Это означает овладение соответствующими навыками и соответствующую подготовку вооруженных сил, с тем, чтобы они могли быть использованы в той части мира, где это будет необходимо. Афганистан не так давно не входил в сферу интересов западных государств, но вот оказалось, что террористическая атака на Нью-Йорк была разработана в Афганистане, руководство которого предоставляло убежище главарям террористических банд. И тогда во многих европейских странах появилось желание направить собственные войска в Афганистан для участия в войне против талибов или пополнить расположенный там в настоящий момент контингент для поддержания стабильности. Однако мало у кого есть реальная возможность направить туда свои воинские части. Так развитие соответствующих навыков и умений вместе с правильным и эффективным использованием бюджета приобретает большее значение, чем сохранение устаревших систем и структур. Вторая заповедь: не нужно делать все самим. Далек не каждой стране нужны большие транспортные самолеты — в случае кризиса достаточно будет тех самолетов, которые имеются в распоряжении НАТО. Далек не в каждой стране есть самолеты AWACS. Они состоят на вооружении у Великобритании и Франции, но остальные члены НАТО могут использовать те самолеты, которые имеются в распоряжении

Североатлантического альянса, если возникнет такая необходимость. Отдельные страны могут участвовать в военных действиях в составе международных групп для решения конкретных задач или опираться на весь потенциал Альянса.

Создать боеспособные военные формирования — это очередная ключевая задача, о которой мне неоднократно приходилось говорить. В европейских странах НАТО два миллиона (!) военнослужащих в действующей армии, но каждые полгода у нас возникают проблемы с отправкой 30 тысяч солдат в контингент по поддержанию мира в Косово. Причина этого — не в нежелании предоставить свои войска; дело в том, что лишь очень незначительное количество военных формирований готово к быстрой мобилизации и переброске, есть проблемы и с поддержанием их жизнедеятельности вне национальных границ. На вооружении в наших воздушных войсках состоит 6000 реактивных самолетов, но лишь небольшая их часть способна летать днем и ночью при любых погодных условиях, а еще меньшая может переносить на борту высокоточные снаряды — единственный вид оружия, который может быть применен в будущем в соответствии с международным правом, не возмущая при этом международного общественного мнения. Таковы те основные сферы деятельности, на которых следует сосредоточиться, учитывая возможные расходы и имея своей целью укрепление военного потенциала НАТО. Разумеется, завтра мы вряд ли сможем настолько серьезно реформировать европейскую или канадскую военную промышленность, чтобы расходы на ее развитие и новые исследования сравнялись с аналогичными расходами Америке, но мы можем сохранить за собой сферу влияния. Европа может и должна играть важную роль в НАТО, но и Америке следует выразить готовность к активному обмену технологиями, либерализации внешних рынков, поддержать реорганизацию европейской оборонной промышленности. Тогда Североатлантический альянс станет более уравновешенной, а значит, более эффективной структурой.

Вопросы и ответы с польского перевела О. Остапчук